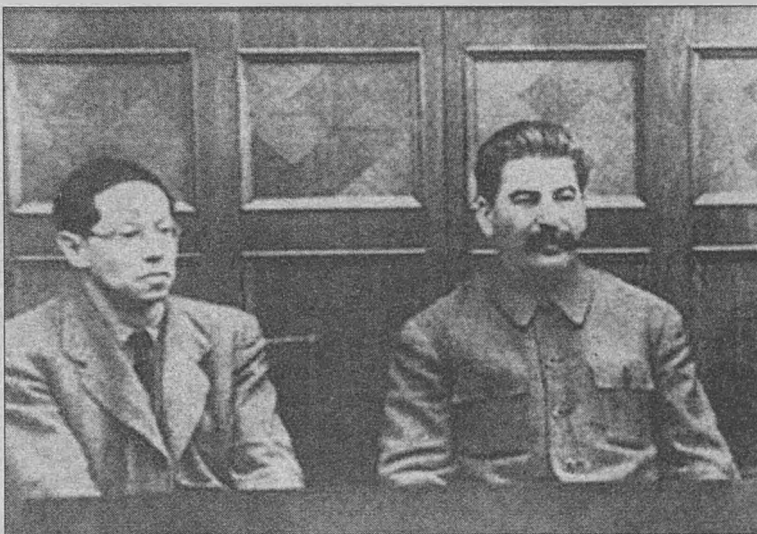

Обольщение

70 ЛЕТ НАЗАД УМЕР ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ АНРИ БАРБЮС, ИСКРЕННЕ ВЕРИВШИЙ В СТАЛИНА. В ЭТОМ ОН БЫЛ ДАЛЕКО НЕ ОДИНОК НА ЗАПАДЕ

Лион Фейхтвангер тоже поверил Сталину

ПАРАЛЛЕЛИ

Ольга МАРТЫНЕНКО

Перу Барбюса принадлежат роман «Огонь» (1916), посвященный Первой мировой войне (о революционном сознании народных масс, участливо добавляет Большой энциклопедический словарь 1997 года), новеллы, эссе и законченная в январе 1935 года книга «Сталин» с подзаголовком «Человек, через которого раскрывался новый мир». Запомнившиеся со школьных лет похожие на эпитафии формулировки: «Сталин — это Ленин сегодня», «Человек с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата», как и фольклор, не вышли ниоткуда, у них есть автор, в данном случае — Анри Барбюс. Да и свою кончину он встретил в Мекке, к которой шел всю сознательную жизнь, — в Москве.

Каким образом человек тонкого ума и сострадательного сердца, окончивший Сорбонну, мог поддаться обольщению грубого кремлевского солдафона, чтобы написать: «Он ведет за собой 170 миллионов человек на 21 миллионе квадратных километров... Во весь свой рост он возвышается над Европой и Азией, над прошедшим и будущим»? Загадка.

Но свет нового общества, забрезживший на Востоке, обольстил не только Барбюса. Язвительный скептик Анатоль Франс, показавший в 1914 году в романе «Восстание ангелов» абсолютную тщету революционного преобразования мира, меняющего только фигуры у трона (что еще раньше объяснил в научном трактате его соотечественник де Токвиль), в 1922-м шлет горячее приветствие русской революции, призывая всех друзей справедливости почтительно склониться перед нею, ибо «впервые в истории человечества <она> попыталась учредить народную власть, действующую в интересах народа». Что говорить тогда об «очарованной душе» Ромена Роллана, приехавшего в СССР в 1935 году и получившего столько сильных впечатлений, что не нашел должных слов, кроме: «Я видел Сталина, который поразил меня своей простотой, чуткостью и широтой своего понимания».

Примеры можно множить (Ара-

гон, Драйзер, Синклер Льюис, Эптон Синклер, Мальро, Сартр, Уэллс, Цвейг), не зная, чему поражаться больше: фантастической доверчивости знатоков человеческой души, уставших от собственного неверия, или дьявольской изворотливости тирана в «одежде простого солдата»?

Допустим, что Бернард Шоу просто дурачил аудиторию, когда на вопросы корреспондентов по возвращении из СССР в 1931 году о царившем в стране голоде отвечал: «Ерунда, нигде меня так вкусно не кормили. Я буквально обедался черным хлебом и щами». Принудительный труд? «Это пустяки. Все, что пишут буржуазные газеты об СССР, ложь, ложь и еще раз ложь».

Один из самых кровавых и преступных режимов имел охранную грамоту в виде благосклонного внимания лучших сил мировой литературы

Сталин? «Очень приятный человек и действительно большой руководитель рабочего класса».

Но Андре Жид, заявлявший в 1932 году, что готов отдать жизнь за Советский Союз, ехал сюда с полной готовностью полюбить страну, которая так нравилась ему из Парижа. Его слова были услышаны, и в 1936 году последовало приглашение. Автор «Фальшивомонетчиков», по свидетельству Ильи Эренбурга, даже хотел обсудить со Сталиным проблему гомосексуалистов — в связи с использованием их принудительного труда на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Эренбург едва отговорил его от этой затеи. Принимали Андре Жид со всей роскошью. На Военно-Грузинской дороге по приказу Берии был сброшен на парашютах десант кулинаров, чтобы они накрыли стол прямо перед машиной французского гостя. Сталин уделил писателю свое драгоценное время. Но вышла осечка, в результате которой вплоть до перестройки Андре Жид оставался в СССР персоной нон грата. Однако разочарование увиденным было немалым потрясением и для самого интуриста. Свои впечатления он изложил в книге-дневнике «Возвращение из СССР», которая была напечатана здесь только в 1989 году. Помня проклятия в его адрес, я взялась за

книгу, ожидая пасквиль. Ничего подобного. На фоне того, как, дорвавшись до гласности, мы разоблачали себя сами, дневник Андре Жид выглядел комплиментом. Во-первых, он писал о нас с большой приязнью. Во-вторых, его критика всегда была доказательна. Правда, поразило его замечание о низком качестве нашего строительства — мы-то считали сталинские дома образцом удобной и добросовестной застройки. А с чего бы? Ведь их возводили те же заключенные, не исключено, что и гомосексуалисты, которых и по закону за людей не считали. Стахановское движение Андре Жид считал показухой: когда в забой спустились французские шахтеры, они, даже не заметив, перевыполнили все доблестные нормы, за которые Стаханов получил геройское звание. Конечно, у писателя возникли и более серьезные претензии. Если до приезда в Россию Андре Жид думал о ней как о «земле, где утопия стала реальностью», на месте он убедился, что «в СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение. Каждое утро «Правда» им сообщает, что следует знать, о чем думать, чему верить».

Опровергать Андре Жид выпало Лиону Фейхтвангеру, который посетил Советский Союз на следующий год. Его отчет о поездке — знаменитая «Москва 1937 года» во многом полемизирует с дневником коллеги из Франции. Странную власть имел Сталин над зарубежными пи-

сателями. Его разговор с Фейхтвангером длился больше трех часов и на другой день увенчался совместной фотографией в «Правде». И снова встает вопрос: ладно, Анри Барбюс, но как мог опростоволось мудрейший писатель, досконально разобравшийся с нацизмом, так глубоко понимавший природу векового зла, чтобы принять на веру все, что говорил ему советский вождь, в том числе о процессах над «врагами народа», на одном из которых Фейхтвангер присутствовал? Конечно, и у него нашлись свои замечания к режиму, в частности, о бесчисленных портретах Сталина, включая его огромный бюст на выставке Рембрандта. Вождь отшутился. Но «Москву 1937 года» не принял, и Фейхтвангер тоже на долгие годы попал в число запрещенных авторов.

Какой вывод следует из этого писательского прекраснотворения? Вправе ли мы их судить? Есть высший судия, сказал поэт, на том и порешим. Однако же долгие годы один из самых кровавых режимов имел охранную грамоту, выданную лучшими силами мировой литературы, соблазнявшими малых сих. К слову сказать, Кнут Гамсун, восхищавшийся личностью Гитлера, по сей день носит клеймо коллаборациониста.